

з міжнародного приватного права. *Підприємництво, господарство і право*. 2007. № 5. С. 28–30.

2. Довгерт А.С., Кисіль В.І. Міжнародне приватне право. Загальна частина: підручник. Київ, 2012. 376 с.

3. Пільков К.М. Теорія і практика доказування у міжнародному комерційному арбітражі : монографія. Київ, 2016. 240 с.

4. Постанова Вищого господарського суду України від 12 червня 2012 року у справі № 58/383. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/24692423> (дата звернення: 09.12.2019).

5. Постанова Вищого господарського суду України від 15 квітня 2013 року у справі № 07/5026/1561/2012. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/30738456> (дата звернення: 05.12.2019).

6. Постанови Пленуму Верховного Суду України від 24.10.2008 № 13 «Про практику розгляду судами корпоративних спорів» URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v0013700-08> (дата звернення: 08.12.2019).

7. Про міжнародне приватне право: Закон України від 23.06.2005 р. *Відомості Верховної Ради України*. 2005. № 32. Ст. 422.

8. Цивільний кодекс України: Закон України від 16.01.2003 р. *Відомості Верховної Ради України*. 2003. № № 40-44. Ст.356.

9. Шульга А.М. Обхід закону як вид зловживання правом. *Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ*. 2010. №3. С. 11–20.

10. Landolt P. Arbitrators' Initiatives to Obtain Factual and Legal Evidence. *Arbitration International*. 2012. №28. 178–199 р.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грамацкий Эрнест Мирчевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gramatskiy Ernest Mirchevich – PhD in Law, Associate Professor of Civil Law Department of Law Faculty of Taras Shevchenko National University of Kyiv;

emg@gramatskiy.com

УДК 347.4

ЧАСОВЫЕ РАМКИ ЭФФЕКТИВНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ И ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Петр ГУЙВАН,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Украины, профессор Полтавского института бизнеса

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена правовому анализу временных факторов осуществления отдельных регулятивных и охранительных субъективных прав лица. Отмечается принципиальное различие сроков реализации полномочий носителя в регулятивном режиме и при защите нарушенного права. Уделено внимание проблематике определенности реализации норм права во временном аспекте. Отмечена специфика правового регулирования обязательств в пользу третьего лица. В работе изучены правовая характеристика и сроки совершения действий третьего лица для приобретения прав кредитора. Изучены особенности регулирования отношений в связи с изменением срока действия обязательства, как регулятивного, так и охранительного. Установлено, что своевременное исполнение гражданского обязательства обеспечивает эффективность права, тогда как неоправданное затягивание и просрочка сводит на нет применение самой справедливой нормы права. Проанализированы доктринальные и практические подходы к гарантиям эффективности юридических актов. Представлены предложения по совершенствованию соответствующего юридического инструментария.

Ключевые слова: эффективность права, темпоральная определенность, сроки реализации права и исполнения обязательства.

HOOR FRAME OF EFFECTIVE IMPLEMENTATION OF REGULATORY AND PROTECTIVE CIVIL RELATIONS

Petr GUYVAN,

PhD in Law, Honored Lawyer of Ukraine, Professor of the Poltava Institute of Business

SUMMARY

The article is devoted to the legal analysis of temporary factors of the implementation of individual regulatory and protective subjective rights of a person. A fundamental difference is noted in the terms for exercising the powers of the carrier in a regulatory regime and in protecting violated rights. Attention is paid to the problems of certainty of the implementation of the rule of law in a temporary aspect. The specificity of the legal regulation of obligations in favor of a third party is noted. The paper studies the legal characteristics and terms of a third party to acquire creditor rights. The features of regulation of relations in connection with a change in the duration of the obligation, both regulatory and protective, are studied. It is established that the timely fulfillment of a civil obligation ensures the effectiveness of the law, while unjustified delay and delay negates the application of the fairest rule of law. The doctrinal and practical approaches to guaranteeing the effectiveness of legal acts are analyzed. Proposals for improving the relevant legal tools are presented.

Key words: effectiveness of law, temporal certainty, terms of the implementation of the law and fulfillment of an obligation.

Введение. Правоотношения создают субъектам права конкретные социальные возможности для удовлетворения их определенных потребностей своими собственными действиями либо действиями других субъектов и представляют собой предусмотрен-

ное гипотезой юридической нормы идеологическое общественное отношение, которое выражается во взаимных юридических правах и обязанностях субъектов права. При этом материальное право, которое опосредует данные отношения, должно соответствовать

критериям ясности, ожидаемости, определенности и эффективности. Изменение идеологии приводит к необходимости внедрения в национальную правовую культуру новых идеалов и ценностей, обуславливающих реформирование отечественного законодательства. В этих условиях возникает потребность в разработке современных методологических подходов, которые бы позволили рассматривать право как один из важнейших элементов человеческого бытия [1, с. 4]. Вопрос эффективности правовых предписаний является весьма актуальным для Украины. Эффективность права как общественного явления включает весь комплекс вопросов, начиная от правопонимания, правотворчества, функций права, и заканчивая фактическим действием права и его прогнозированием.

В темпоральном измерении важными факторами, обеспечивающими надлежащую эффективность правовой нормы, является ее определенность, предсказуемость и своевременность. Ведь к негативным социальным последствиям может привести как запоздалое урегулирование законодательными предписаниями общественных отношений, которые давно имеют место, так и преждевременное закрепление в нормативных регулятивных актах отношений, которые еще не приобрели актуальность. Важно, чтобы концепт права был направлен своими смысловыми векторами в будущее. Для этого следует максимально ограничить обратное действие правовых норм во времени, гарантировать осведомленность общественности об их содержании (применять только обнародованные акты), обеспечить их справедливое правоприменение. Эффективность права – это соответствие фактических результатов реализации нормы права задекларированной цели [2, с. 369].

Обеспечение интересов и потребностей человека является главным назначением права, измерением его эффективности. Необходимость развития права реализуется на основе его взаимодействия с принятыми в обществе духовными ценностями и идеалами. А это возможно только при условии, если право соответствует социально-психологическим и культурно-историческим устоям общества [3, с. 48]. Общественная жизнь регла-

ментируется путем издания правовых актов и контроля за их реализацией. Основополагающие правовые принципы реализуются, конечно, в системе правотворчества, но их эффективность проявляется в правоприменительной деятельности. Принципы права отражают правовые идеи. Именно через надлежащее применение правовых предписаний эти правовые идеи приобретают свою реализацию. Следовательно, понятие эффективности правовых норм связывается, прежде всего, с результативностью их применения. При этом эффективность тесно связана с критериями и условиями такого правоприменения. Так происходит как при практическом осуществлении регулятивных правоотношений, так и в пределах охранительного отношения. При этом значение последнего заключается в том, что защита нарушенного субъективного материального права происходит в рамках новых отношений, которые не существовали до правонарушения. Поэтому здесь особенно важными факторами являются прогнозируемость и предсказуемость охранительного реагирования лица на нарушения.

Собственно, в научной литературе была высказана мысль, что правовое регулирование сложившихся отношений обречено приобретать признаки эффективности. Неэффективное регулирование в принципе лишено смысла: нужно всеми способами стараться, и на уровне правотворчества, и на уровне правореализации, способствовать выработке действенных, эффективных механизмов правового воздействия. Масштабные катастрофические события прошлого века доказали реальность вреда, наносимого человеку вследствие тотального контроля со стороны власти, попытки государства регулировать не только социальное поведение, но и внутреннее, духовное в жизни личности. Причиненный ущерб иллюстрирует то, что эффективность права может иметь антиправовой характер и даже противоречить главной цели самого права – реализации принципов справедливости и гуманизма в общественной жизни [4, с. 40–41]. В свое время Гегель ввел определение «не права» как категории, противоположной праву. Под данным явлением он понимал волю властного субъекта,

направленную на демонстрацию произвольной власти, которая значительно дистанцируется от общественной воли и права. Поэтому «не право» формулировалось как видимость сущности, которая определяет себя как самостоятельное явление [5, с. 88–89]. Следовательно, вопрос эффективности права пересекается с проблематикой качества законодательства в контексте его направленности на обеспечение идей свободы, гуманности, справедливости и, в конце концов, на достижение необходимого баланса между положительным и моральным правом. В этом проявляется качество права и его тесная связь с эффективностью регулирования общественных отношений. Результативность правового воздействия определяется положительными последствиями для развития конкретной личности и общества в целом. Эффективность правового регулирования – это практическая сторона проявления категории «качество права». Реальное бытие норма права получает в процессе осуществления, взаимодействия с конкретными общественными отношениями. Вне практики эффективность правовой нормы не выявляется. Итак, эффективность права и его реальных свойств может рассматриваться как внешнее проявление качества права.

Цель статьи. Эффективность правового регулирования является достаточно важным показателем надлежащей и справедливой правовой системы. Вопрос эффективности юридического обеспечения тех или иных социально-правовых отношений рассматривали такие ученые, как В.А. Бачинин, Н.И. Козюбра, В.В. Завальнюк, С.А. Жинкин, Л.И. Петражицкий, Д.Гриценко, Л. Фуллер, А.Ф. Скакун, В.С. Нерсесянц, А.И. Хорошильцев и другие. Вместе с тем, целостной концепции по данной проблематике не наработано. Кроме того, в темпоральном аспекте вопрос эффективности законодательных положений практически не исследовался. Итак, целью и задачами статьи является изучение современных концепций об эффективности права, с акцентированием внимания на правоприменительной деятельности украинской системы. Понятие эффективности нормативных предписаний как социально-правового регулятора общественной жизни

оценивается в контексте их четкости, непротиворечивости, доступности и устремленности в будущее, что обеспечивает стабильность правового регулирования. Для более основательного познания предмета исследования анализируется правовой инструментарий, согласно которому органы государственной власти ограничиваются в своих действиях заранее установленными и объявленными правилами, которые дают возможность предсказать с большой точностью меры, которые будут применены представителями власти в той или иной ситуации, с учетом чего индивид может уверенно планировать свои действия.

В практике применения гражданско-правового института сроков был выявлен ряд спорных вопросов. В первую очередь, это касается проблем их исчисления, юридических последствий истечения отдельных периодов, порядка применения неопределенных сроков и тому подобное. Для их решения нужно применить общие концептуальные основы, наработанные цивилистической теорией, при этом учитывая реальную сущность фактических взаимоотношений. Такой подход позволит устранить противоречия и главное – искусственность правового регулирования отдельных отношений, не соответствующего их юридическому содержанию. Научное исследование темпоральных измерений реализации юридической возможности, заложенной в субъективном праве, составляет цель данной работы.

Методы и использованные материалы. В литературе юридический срок квалифицируется как объективно существующая взаимосвязь между явлениями правового порядка, которая проявляется в определенном количестве качественных изменений правовых явлений, выраженных в величинах календарного времени, всплывающих в определенной последовательности, и изменений, как результата взаимодействия правовых явлений друг с другом [6, с. 25]. По нашему мнению, такое определение имеет тот недостаток, что в нем происходит смешение понятий срока как правовой категории с теми последствиями, к которым приводит его истечение или наступление.

Гражданские правоотношения, субъективные права и обязанности их

участников также образуются, развиваются и прекращаются в течение определенного времени. Это время определяется либо в нормативном порядке, либо самими участниками отношений. Но в любом случае продолжительность тех или иных явлений, имеющих юридическое значение, отражает общественную потребность относительно проявления влияния времени на их существование. Действие гражданских прав и обязанностей во времени весьма существенно влияет на поведение участников отношений. Предоставляя субъективному праву или юридической обязанности темпоральную определенность, сроки тем самым способствуют упорядочению материальных взаимоотношений, ответственности и дисциплинированности их участников. Именно подобное регулирующее влияние времени на деятельность физических и юридических лиц обеспечивает его значимость и приемлемость.

Основным критерием эффективности правовой нормы является действенность ее практической реализации правоприменительными органами, следовательно, реальную эффективность определяют факторы, которые находятся в сфере правоосуществления. Сюда можно отнести обеспеченность тех или иных предписаний материальными и организационными ресурсами, соответствие норм общественной мысли, четкую работу правоприменительных органов и так далее [7, с. 30-31]. Собственно, эффективность юридического акта определяется его способностью влиять на общественные отношения в полезном для социума направлении. Иначе говоря, эффективность права определяется его осуществимостью, которая, в свою очередь, обусловлена общеизвестностью, понятностью и непротиворечивостью правовых норм, их системностью (например, беспрепятственностью связей материально-правовых и процессуальных норм), соответствием социальных целей норм и юридических средств их достижения, обеспеченностью права действенной системой органов правосудия и других правоохранительных органов [8, с. 93]. В темпоральном смысле эффективность права достигается за счет надлежащего знания и владения методикой правовых процессов, которая позволяет ожидать надлежащего правоприме-

нения, прогнозировать результаты его, а значит, и будущее состояние правовой системы, предупредить негативные последствия, уменьшить возможные риски.

Итак, исходя из разграничения сфер правотворчества и правоприменения, происходит разрешающая оценка эффективности вынесения и реализации юридического акта. Каждое правовое предписание есть лишь возможность, которая должна реализоваться в той или иной степени. Следовательно, эффективность – это не особенность правового регулирования, а объективная возможность, которая для своего превращения в действительность требует соблюдения ряда правил. В процессе правотворчества можно говорить только о прогнозируемой, потенциальной эффективности. При осуществлении соответствующей нормы проявляется ее реальная эффективность. Она может быть выше прогнозируемой (при этом на эффект, произведенный нормой, влияют обстоятельства, действие которых законодатель не учел или недооценил). Впрочем, на практике чаще действительно эффективность правовой нормы ниже той, к которой стремился правосоздатель [9 с. 58]. В практической плоскости принцип эффективности права получил широкое воплощение в практике Европейского суда по правам человека. Отстаиваемый ЕСПЧ принцип эффективности права состоит в том, что стороны по делу имеют право представить замечания, которые они считают важными. Это право можно считать эффективным только при условии, что замечания были «заслушаны», то есть соответственно рассмотрены судом. Так что «суд» должен проводить надлежащее рассмотрение представленных документов и доказательств, а также приведенных сторонами аргументов (дело “*Kraska v. Switzerland*” (Краска против Швейцарии) [10, п. 30]. Следовательно, вопрос реализации принципа справедливости судебного разбирательства является достаточно сложным и дискуссионным, при этом следует четко разграничивать вопросы справедливости судебного процесса и правильности или ошибочности судебного решения [11, с. 360].

Нарушение этих требований справедливого процесса как следствие при-

водит к принятию незаконного решения. Так, в решении ЕСПЧ по делу «Бендерский против Украины» установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 года в связи с тем, что национальные суды не рассмотрели ссылки заявителя на показания врача, который наблюдал за ним после операции на мочевом пузыре, хотя последние были важными для правильного разрешения дела по иску заявителя к частной больнице о расторжении договора о предоставлении медицинской помощи и возмещения вреда, причиненного в результате операции, проведенной ответчиком. Как указывает Суд, такое нарушение заключается в том, что определенный довод истца был если не решающим, то по крайней мере, очень важным для разрешения спора и требовал, таким образом, особой и четкой реакции судов. При отсутствии какой-либо реакции на такой аргумент Суд считает, что украинские судебные органы не обеспечили заявителю право на справедливое судебное разбирательство в смысле пункта 1 статьи 6 Конвенции, таким образом, имело место нарушение этого положения [12 п. 46, 47]. Следовательно, отказ суда принять во внимание фактические обстоятельства дела, которые были значимыми в разрешении спора, может повлечь нарушение статьи 6 п. 1. К сожалению, украинские суды достаточно часто пренебрегают указанными принципиальными основами. Скажем по делу № 553/1254/16-ц суды, как местный, так и апелляционный и кассационный, не приняли во внимание показания многочисленных свидетелей факта, что нарушение Правил пользования электрической энергией истцом (самовольное подключение к сети) продолжалось один час. В то же время суды без каких-либо доказательств признали истинность утверждений ПАО «Полтаваоблэнерго», что самовольное открытое подключение продолжалось 339 дней [13]. Жаль, что последнее решение по данному делу недавно принял вновь созданный Верховный Суд. Как видим, данному органу также характерно игнорирование европейских принципов определенности и эффективности права.

В плоскости темпорального регулирования справедливого судопро-

изводства эффективность правовой нормы связана с разумной продолжительностью судебного разбирательства и исполнения окончательных судебных вердиктов. Требуя соблюдения принципа разумности сроков процесса, Конвенция о защите прав человека и основных свобод интерпретируется Европейским судом, как инструмент, который подчеркивает, что правосудие не справляется с опозданием, способным скомпрометировать его эффективность и правдоподобие [14 п. 38]. При этом указанный принцип охватывает не только инструментарий осуществления своевременного правосудия, но и применяется для регламентации соответствующих поступков участников процесса. К примеру, в решении ЕСПЧ по делу «Пономарев против Украины» указано, что стороны в разумных интервалах времени должны принимать меры, чтобы узнать о состоянии известного им судебного производства. Если ответчик надлежащим образом уведомлен судом о времени и месте рассмотрения спора с его участием, считается, что он реализовал свое право на непосредственное участие в судебном заседании. И у него было достаточно времени для представления доказательств и обоснования его возражения и опровержения иска [15, п. 41].

Необходимо отметить, что украинская правоприменительная система в данном отношении достаточно уверенно воспринимает отдельные европейские принципы. В частности, сейчас урегулирован вопрос, который еще недавно был весьма актуальным по срокам обращения в суд для прокурора. Ранее считалось, что давность для искового заявления прокурора должна исчисляться с момента, когда он сам лично узнал о нарушении права лица, для защиты которого он обращается в суд. Сейчас подход изменился, и общие процессуальные требования признаются обязательными для всех участников процесса, следовательно, положение закона о начале течения срока обращения в суд распространяется и на обращения прокурора в суд для защиты интересов лица. Принимая постановление № 6-178цс15, Верховный Суд Украины применил к спорным правоотношениям статьи 256, 261 ГК Украины, статью 361 Закона Украины «О прокуратуре» и пришел

к выводу, что прокурор, участвующий в деле, исполняет обязанности и пользуется правами стороны, кроме права на заключение мирового соглашения. Поэтому положения закона о начале течения исковой давности распространяются и на обращение прокурора в суд с заявлением о защите государственных интересов. Принимая решение по делу, суд предыдущей инстанции не учел положения закона и пришел к ошибочному выводу о начале течения исковой давности со дня обнаружения прокурором нарушений земельного законодательства при осуществлении прокурорской проверки [16].

А вот с подготовкой дела к рассмотрению, проведению процесса и выполнению окончательных решений в разумный срок украинское правосудие справиться никак не может. Суды должны готовить гражданские дела к судебному разбирательству и рассматривать их в установленные для этого сроки. Верховный Суд Украины обращал внимание судей на необходимость повышения личной ответственности за своевременное и качественное рассмотрение судебных дел, имея в виду, что полное, всестороннее и объективное рассмотрение дел с соблюдением установленных законом сроков является их обязанностью [17, п. 1]. В тех случаях, когда законом установленный срок рассмотрения дела исчисляется со дня поступления заявления, подготовка дела должна быть закончена с таким расчетом, чтобы оно было рассмотрено в этот срок с соблюдением правил о сроках вручения повестки о вызове в суд, если иное не вытекает из закона. К сожалению, де-факто сегодня практически все судебные дела рассматриваются со значительным превышением установленных для этого сроков, иногда годами, причем большинство таких проволочек являются неоправданными.

Следует отметить, что ЕСПЧ последовательно указывает на невозможность применения необнародованных правовых актов. Подобное их использование будет неэффективным, потому что нарушается принцип ожидаемости и предсказуемости, что делает невозможным прогнозирование своего поведения лицом. При этом следует учитывать и моральные обязанности законодателя относительно обнародования своих актов. Об этом указывает

в своей работе «Нравственность права» Лон Фуллер. «Например, обычай может определять, какого типа обнародование законов ожидается, одновременно оставляя неясным, какими последствиями будет сопровождаться отступление от принятого способа публикации. Предоставление официальной формы требованиям публичности имеет несомненные преимущества над усилиями, не направленными в определенное русло, даже если они прилагаются разумно и добросовестно. Формализованный стандарт промьюльгации не только говорит законодателю, где публиковать законы; он также сообщает лицу (или юристу, который представляет его интересы), куда надо обращаться, чтобы узнать о содержании закона. Можно предположить, что принципиальные требования, которые осаждают законы с обратной силой, могут очень легко приобрести официальную форму простого правила, по которым ни один такой закон не будет приниматься или не будет введен в силу. Однако такое правило сделало бы медвежью услугу делу законности. Интересно, что одно из якобы очевидных требований законности – норма, принятая сегодня, должно регламентировать то, что будет происходить завтра, а не то, что происходило вчера, – превращается в одну из самых сложных проблем всей внутренней морали права» [18, с. 47–48].

Действительно, нетрудно признать серьезность проблемы эффективности реализации норм права при применении законодательства «задним числом». ЕСПЧ указывает, что ретроспективность гражданского законодательства категорически не запрещена нормами Конвенции. Тем не менее, когда вопрос касается эффективного средства правовой защиты, это средство должно существовать с достаточной степенью определенности. Учитывая это Суд считает, что применение обратного во времени гражданского процессуального законодательства будет нарушать принцип юридической определенности и несовместимым с нормами закона, если он лишает лицо доступа к средствам правовой защиты, которые должны быть эффективными согласно положениям п. 1 статьи 35 Конвенции [19 п. 28-30]. Подобный подход применяется и тогда, когда принятие соответствующего акта в течение конкретного процесса лиша-

ет производства юридической силы. Законы должны быть изданы к началу производств или после их завершения. В любом случае нормативный акт должен иметь переходный адаптационный период.

Из изложенного можем сделать определенные **выводы**. Если субъективное право – это предоставленная гражданским законом мера возможного поведения уполномоченного лица (право на собственные действия) и право требовать конкретного поведения от других лиц, то социальная ценность такого права проявляется в реальности его осуществления для удовлетворения потребностей правообладателя. Сложившаяся цивилистическая традиция определяет указанное понятие «мера» не как количественный показатель, характеризующий объем правомочий лица, а как обозначение границ, в которых может действовать уполномоченный субъект. Учитывая это, приведенное классическое определение субъективного права, по нашему мнению, должно учитывать все предусмотренные законом критерии правомерного поведения личности и, в частности, установленные сроки для совершения соответствующих действий. Следовательно, как важный вывод, осуществление субъективного права возможно лишь при условии, что оно происходит в пределах установленных для этого сроков. Итак, главное назначение гражданско-правовых сроков заключается в том, что они призваны обеспечить определенность отношений, в первую очередь по отношению к объему полномочий или обязанностей субъектов в тот или иной период или момент. И именно благодаря такой определенности у носителя права или обязанности появляется стимул к конкретным материально значимым действиям.

Список использованной литературы:

1. Завальнюк В.В. Антропологічне осягнення правової реальності: юриспруденція на перетині епох : [моногр.]. Одеса : Юрид. л-ра, 2012. 208 с.
2. Рабинович П.М. Эффективність права. Юридична енциклопедія: у 6 т. / за ред. Ю. С. Шемшученка [та ін.]. Київ.: Укр. енцикл, 1999. Т. 2. С. 369–370.

3. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция): дис ... докт. философ. наук. Ставрополь, 2003. 377 с.

4. Завальнюк В.В. Эффективність права: антропологічний та євро інтеграційний аспекти. *LEX PORTUS*. 2017. № 1(3). С. 39–49.

5. Гегель Г.В.Ф. Основы философии права, або Природне право і державознавство ; пер. з нім. Р. Осадчука та М. Кушніра. Київ : Юніверс, 2000. 336 с.

6. Щербаков О.В. Понятие юридического срока и его процессуальный режим. Проблемы совершенствования законодательства Украины и практики его применения. Краткие тезисы докл. и науч. сообщ. межрегиональной научной конференции молодых ученых и соискателей. Харьков : УЮА, 1991. С. 22–26.

7. Жинкин А.В. Некоторые проблемы видов эффективности норм права. *Журнал российского права*. 2004. №2. С. 30–33.

8. Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. Москва : ИКД «Зерцало-М», 2002. 288 с.

9. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Ленинград : Издательство ленинградского университета, 1973. 115 с.

10. Решение ЕСПЧ от 19 апреля 1993 года по делу «Краска против Швейцарии» (Kraska v. Switzerland), заявл. № 13942/88, URL: <http://echr.ketse.com/doc/13942.88-en-19930419/>.

11. Трегубов Е.Л. Право на справедливый суд у практиці європейського суду з прав людини. *Форум права*. 2010. № 1. С. 358–363.

12. Решение ЕСПЧ от 15 ноября 2007 года по делу «Бендерский против Украины», заявл. №22750/02, URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/974_313.

13. Дело № 553/1254/16-ц. Архив Ленинского районного суда г. Полтава за 2016 год.

14. Решение ЕСПЧ от 20 февраля 1991 года по делу «Вернилло против Франции» (Vernillo v France), заявл. № 11889/85. URL: <http://echr.ketse.com/doc/11889.85-en-19910220/>.

15. Решение ЕСПЧ от 3 апреля 2008 года по делу «Пономарев про-

тив України», заявл. № 3236/03.
URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/974_434.

16. Постанова Верховного Суду України від 1 липня 2015 року у справі № 6-178цс15. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/46301621>.

17. Постанова Пленуму Верховного Суду України «Про строки розгляду судами України кримінальних і цивільних справ» від 01.04.94. №3. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v0003700-94>.

18. Fuller L. The Morality of Law. Yale University Press, 1969. 262 p.

19. Решение ЕСПЧ от 28 марта 2006 года по делу «Мельник против Украины», заявл. № 23436/03, URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/974_037.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуйван Петр Дмитриевич – кандидат юридических наук, заслуженный юрист Украины, профессор Полтавского института бизнеса;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guyvan Petr Dmitriyevich – PhD in Law, Honored Lawyer of Ukraine, Professor of the Poltava Institute of Business;

lawjur01@rambler.ru

УДК 346.93:347.962.3 (477)

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РАЗЛИЧИЯ ИНСТИТУТА СУБСИДАРИЙНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Артем ДАНИЛОВ,

адвокат, арбитражный управляющий,
аспирант кафедры хозяйственного права и процесса
Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

Институт субсидиарной ответственности в процедурах несостоятельности (банкротства) является важнейшим правовым инструментом, призванным обеспечить защиту прав и имущественных интересов кредиторов неплатежеспособного должника. Надлежащее правовое регулирование данного института является необходимой предпосылкой его эффективного использования субъектами правоприменительной деятельности (судами, арбитражными управляющими, кредиторами). В данной работе проведен сравнительный анализ института субсидиарной ответственности в процедурах банкротства в Украине и Республике Молдова, основываясь на общности исторических предпосылок развития, структур и источников права, сходства понятийно-юридического аппарата обоих государств.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, субсидиарная ответственность, арбитражный управляющий.

GENERAL FEATURES AND DIFFERENCES OF THE INSTITUTION OF SUBSIDIARY LIABILITY IN BANCROPTCY PROCEEDINGS UNDER THE LAWS OF UKRAINE AND THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Artem DANILOV,

Lawyer, Arbitration Manager,
Postgraduate Student of the Department of Economic Law and Process
of the National University "Odessa Law Academy"

SUMMARY

The Institute of Subsidiary Liability in insolvency (bankruptcy) procedures is an important legal instrument designed to protect the rights and property interests of creditors of an insolvent debtor. Proper legal regulation of this institution is a necessary prerequisite for its effective use by law enforcement entities (courts, arbitration managers, creditors). In this work, a comparative analysis of the institution of subsidiary liability in bankruptcy procedures in Ukraine and the Republic of Moldova is carried out, based on the common historical background of development, structures and sources of law, the similarity of the conceptual and legal apparatus of both states.

Key words: insolvency, bankruptcy, subsidiary liability, arbitration manager.

Введение. Предметом исследования настоящей статьи является правовое регулирование института привлечения к субсидиарной ответственности в процедурах банкротства по законодательству Украины и Республики Молдова, их сравнительная характеристика. Объект исследования – комплекс правоотношений, возникающий вследствие привлечения к субсидиарной ответственности в процедурах банкротства.

Цель статьи. Основной целью данной работы является исследование порядка привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с законодательством о банкротстве Украины и Республики Молдова. При сравнительном анализе законодательств обоих государств ставится цель – выявить положительные черты и недостатки в регулировании механизма привлечения к субсидиарной ответственности